насилія, — на общей воинской повинности.

Вѣдь только отъ того, что это состояніе всеобщаго вооруженія и воинской повинности наступило шагъ за шагомъ, незамѣтно и что для поддержанія его правительствами употребляются всѣ находящіяся въ ихъ власти средства устрашенія, подкупа, одуренія и насилія, мы не видимъ вопіющаго противорѣчія этого состоянія съ тѣми христіанскими чувствами и мыслями, которыми дѣйствительно проникнуты всѣ люди нашего времени.

Противорѣчіе это стало намъ такъ привычно, что мы и не видимъ всей ужасающей безсмыслицы и безнравственности поступковъ не только тѣхъ людей, которые по своей охотѣ избираютъ профессію убійства, какъ нѣчто почтенное, но и тѣхъ несчастныхъ людей, которые соглашаются исполнять воинскую повинность, или хотя тѣхъ, которые въ странахъ, гдѣ не введена воинская повинность, добровольно отдаютъ свои труды на наемъ солдатъ и приготовленія къ убійству. Вѣдь всѣ эти люди или христіане, или люди, исповѣдующіе гуманность и либеральность, знаютъ, что совершая эти поступки, они становятся участниками, а при личной воинской повинности совершителями самыхъ безсмысленныхъ, безцѣльныхъ, жестокихъ убійствъ, и все таки совершаютъ ихъ.

Но мало этого, въ Германіи, тамъ, откуда и взялась общая воинская повинность, Каприви высказалъ то, что старательно скрывалось прежде, то, что люди, которыхъ надо будетъ убивать, не одни иноземцы, но свои, тѣ самые рабочіе, изъ которыхъ взято большинство солдатъ. И это признаніе не открыло глаза людямъ, не ужаснуло ихъ. И послѣ этого, какъ и прежде, они продолжаютъ идти, какъ бараны, въ ставку и подчиняться всему тому, что отъ нихъ требуютъ.

Но мало и этого: недавно нѣмецкій императоръ еще точнѣе разъяснилъ значеніе и призваніе воина, отличивъ, благодаривъ и наградивъ солдата за то, что онъ убилъ беззащитнаго узника, пытавшагося бѣжать. Благодаря и награждая человѣка за поступокъ, всегда людьми, стоящими на самой низкой степени нравственности, считающійся самымъ подлымъ и низкимъ, Вильгельмъ показалъ, что главная и болѣе всего цѣнимая властями обязанность солдата состоитъ въ томъ, чтобы быть палачемъ и не такимъ, какъ профессіональные палачи, убивающіе только приговоренныхъ преступниковъ, но быть палачемъ всѣхъ тѣхъ невинныхъ, которыхъ велятъ убивать начальники.

Но мало и этого: въ 1891 году тотъ-же Вильгельмъ, *enfant terrible* государственной власти, высказывающій то, что другіе думаютъ, разговаривая съ какими то солдатами, публично сказалъ слѣдующее, и на другой день тысячи газетъ перепечатываютъ эти слова:

«Рекруты!» говоритъ онъ. «Въ виду алтаря и служителя Бога вы присягнули мнѣ на вѣрность. Вы еще слишкомъ молоды, чтобы понять истинное значеніе всего сказаннаго здѣсь, но заботьтесь прежде всего о томъ, чтобы слѣдовать всегда даннымъ приказаніямъ и ученіямъ. Вы присягнули мнѣ на вѣрность, это дѣти моей гвардіи, значитъ, что вы теперь мои солдаты, что вы предали себя мнѣ душой и тѣломъ. Для васъ существуетъ теперь одинъ врагъ, а именно тотъ, кто мой врагъ. При теперешнихъ соціалистическихъ происках можетъ случиться, что я прикажу вамъ стрѣлять въ вашихъ собственныхъ родственниковъ, братьевъ, даже родителей — отъ чего Боже сохрани — и тогда вы обязаны безпрекословно исполнять мои приказы».

Человѣкъ этотъ высказываетъ то, что знаютъ, но старательно скрываютъ всѣ умные правители. Онъ говоритъ прямо, что люди, служащіе въ войскѣ, служатъ ему и его выгодѣ и должны быть готовы для его выгоды убивать своихъ братьевъ и отцовъ.

Онъ прямо, самымъ грубымъ словомъ выражаетъ весь тотъ ужасъ преступленія, къ которому готовятся люди, поступающіе въ солдаты, всю ту пучину униженія, до которой они доходятъ, обѣщаясь въ повиновеніи. Онъ, какъ смѣлый гипнотизаторъ, пробуетъ степень усыпленія загипнотизированнаго: приставляетъ ему къ тѣлу раскаленное желѣзо, тѣло шипитъ и дымитъ, но усыпленный не просыпается.

Жалкій, ошалѣвшій отъ власти, больной человѣкъ этотъ своими словами оскорбляетъ все, что можетъ быть святого для человѣка нашего времени, и люди — христіане, либералы, образованные люди нашего времени, всѣ, не только не возмущаются на это оскорбленіе, но даже не замѣчаютъ его. Людямъ предлагается самое послѣднее, крайнее испытаніе въ самой грубой, рѣзкой формѣ. И люди какъ будто не замѣчаютъ даже того, что это есть испытаніе, что имъ предстоитъ выборъ. Имъ какъ будто кажется, что и нѣтъ никакого выбора, и что есть только одинъ путь рабской покорности. Казалось бы, безумныя слова эти, оскорбляющія все то, что человѣкъ нашего времени считаетъ святымъ, должны бы возмутить людей, но ничего подобнаго не случается. Всѣ молодые люди всей Европы годъ за годъ подвергаются этому испытанію и за самыми малыми исключеніями всѣ отрекаются отъ всего, что есть и можетъ быть святаго для человѣка, всѣ выражаютъ готовность убить своихъ братьевъ, даже отцовъ по приказанію перваго заблудшаго человѣка, наря-